

Он поднял кисть и бегло записал несколько строк. Господин Линь, вернувшись из своих размышлений и увидев, что ученик зафиксировал его требования, одобрительно кивнул и продолжил:

— В сочинениях древних авторов выделяют параллельную прозу — пянъвэнь — и свободную прозу — саньвэнь. В современных экзаменационных эссе также есть параллельные и свободные части. Начало — от разъяснения темы до введения — состоит из свободных фраз. Средняя часть из восьми парных параллельных двустий — баби — напоминает древний стиль пянъвэнь, хотя здесь требования к параллелизму не столь строги: главное, чтобы смыслы стояли параллельно друг другу. Между этими парными двустиями вставляются связующие свободные предложения, а в самом конце следует заключительный отрезок из свободных фраз, подводящий итог всей теме. Такова структура сочинения по истолкованию канонов.

На этот раз он не стал давать Цуй Се сборник образцовых сочинений, а специально написал короткое наглядное эссе и, указывая на него, пояснил:

— Раскрыть и развить тему, вести рассуждение, вещать от имени древних мудрецов то, что у тебя на душе, — всё это заключено именно в этих восьми парных двустиях. Первое и второе двустия принимают эстафету «преддверия темы» — это то, что древние называют связующей частью «чэн» в формуле «зачин, развитие, поворот, вывод». Писать здесь нужно иносказательно, отвлечённо, а не буквально, крепко держаться темы и высказывать собственное суждение, дабы задать тонус всему сочинению.

Тема для сочинения господина Линя была взята из раздела «Лунь юй: Ба и»: «Учитель сказал о музыке «Шао»: «Она преисполнена красоты и преисполнена совершенного добра». Второе парное двустие, развивающее тему, подхватывало мысль из вводной части о том, что «музыка «Шао» восхваляет величие добродетелей Великого Шуня». Не используя ни разу самого слова «красота», автор передал всё великолепие музыки «Шао» через звуки духовых и струнных инструментов — шэнов, сяо, циней и сэ, — а также через движения танцоров со щитами, топорами, перьями и бычьими хвостами в руках. Тем самым оно строго держалось первой половины темы: ««Шао» преисполнена красоты».

До своего перемещения во времени Цуй Се долгие годы полагал, будто «Шао» — это просто старинная мелодия для циня. Читая строку: «Учитель, находясь в царстве Ци, услышал музыку «Шао» и три месяца не чувствовал вкуса мяса», он никогда не мог представить себе этого ощущения. И лишь теперь, прочитав множество книг, он понял: Конфуций смотрел масштабный феерический музыкально-танцевальный спектакль прямо перед сценой! В эпоху Восточного Чжоу, когда не было ни интернета, ни кино, ни даже изобилия книг, после такого зрелища, пожалуй, любой тосковал бы три месяца подряд.

Впрочем, забывать о вкусе мяса он всё же не собирался.

Постукивая пальцами по столу в такт ритму, Цуй Се несколько раз перечитал эти строки вслух и восхищённо произнёс:

— Читая эти две строчки господина, я чувствую, как моё сердце сливается со строками, и их можно перечитывать сотни раз без усталости.

Учитель лишь негромко и сдержанно улыбнулся и, указывая на парное двустие, произнёс:

— Здесь применён приём расщепления целого надвое: красота музыки «Шао» разделена на красоту звука и красоту танца. Если же тема имеет лишь одно прямое значение, следует дополнить её подтекстом, сопоставить прямое и противоположное или явное и скрытое, дабы

они перекликались и раскрывали смысл, но при этом нельзя выкладывать всё до конца за один шаг.

Сдвинув палец ниже и пропустив свободные фразы, он продолжил:

— После того как первое и второе двустишия зададут тон всему тексту, можно вставить три-четыре свободных предложения, чтобы вновь прямо указать на тему. Это позволит сочинению на всём протяжении строго держаться темы, свяжет верхнюю и нижнюю части в единое целое и не даст мысли расплыться. Если же во вступительной части тема уже была отражена полностью, этим шагом можно пренебречь.

За свободными предложениями следовала ещё одна пара параллельных строк, подхватывавшая смысл первых двух — в те простодушные времена её без затей именовали третьим и четвёртым двустишиями.

В этих двух строках звучание музыки «Шао» сравнивалось с пением фениксов, а танцы «Девяти исполнений Шао» — с танцем всех зверей под музыку. На первый взгляд казалось, будто третье и четвёртое двустишия лишь развивали первые два, раскрывая мысль о «совершенной красоте» «Шао». Однако в канонических книгах пение фениксов и танец зверей имеют иной, более глубокий смысл — они знаменуют собой эпоху правления совершенномудрого государя.

Таким образом, эти строки не просто описывали мелодию и движения танца, но и служили мостом между частями, делая ещё шаг вперёд по теме и раскрывая «совершенное добро» музыки «Шао».

Господин Линь слегка покачивал головой, беззвучно про себя смакуя эти удачные строки, и наставлял:

— Третье и четвёртое двустишия — это хребет всего сочинения. Они связывают верх и низ, плавно переводя мысль от первой половины темы ко второй, и этот переход должен быть чётким и естественным. Строк может быть две-три или пять-шесть, затягивать не стоит. Затем следуют ещё несколько свободных связующих фраз, уводящих прямо ко второй половине темы. Пятое и шестое двустишия служат дополнением к третьему и четвёртому, полностью исчерпывая смысл второй части темы.

— Эти две строки выполняют роль вывода — «хэ» в формуле «зачин, развитие, поворот, вывод». Они могут подхватывать содержание третьего и четвёртого двустиший или же глубже разъяснять идею темы. Пятое и шестое двустишия должны начинаться со служебных слов: если они продолжают предыдущую мысль, используют слова «ибо», «лишь», «таким образом», «посему»; если же отходят от неё и вводят новую мысль, берут слова «к тому же», «тем более», «некоторые говорят».

В своём образцовом тексте господин Линь как раз последовательно развил мысль средних двух двустиший, начав со слов «Ибо красота её звучания...». Он снова построил парное двустишие на сопоставлении звука и зрелища, но поднялся на уровень выше, глубоко объяснив, что красота «Шао» заключается не только в мелодии и танце, но и в её способности наставлять и облагораживать нравы общества.

Из восьми двустиший сочинения багувэнь шесть были уже разобраны, оставались лишь два последних парных двустишия и заключение из свободных фраз. Цуй Се приподнялся духом, углядев надежду на скорое окончание урока. Он развернул тетрадь и занёс кисть над новым чистым листом, приготовившись записать самые последние тонкости.

Господин Линь тоже расслабился. Указывая на заключительное парное двустиие, он сказал:

— После пятого и шестого двустийий смысл темы практически исчерпан, поэтому седьмое и восьмое двустииия вновь возвращают к исходной теме, перекликаясь со всем предыдущим текстом.

Главная задача последних двух двустийий — подвести итог, но не обрывать мысль резко, а оставить глубокое послевкусие, побуждая к долгим размышлениям. В конце концов, впереди ещё оставался финальный вывод, так что не стоило воспринимать эти строки как окончательную точку.

— В прошлом некоторые великие мастера составления экзаменационных эссе опускали эти два последних двустииия, однако образцовые сочинения после прошлого столичного экзамена подводили итог именно ими, навевая глубокие раздумья. Современная проза — на то и современная, что меняется со временем. Сдавая экзамен, нужно следовать самым свежим образцам. У древних следует перенимать ход мыслей и слог, но никак не устаревшую структуру.

Договорив до этого места, господин Линь окончательно расслабился, почувствовав, что урок окончен. Он поднялся, потянулся и, обернувшись, сказал ученику:

— Финальный вывод делаешь на своё усмотрение. Можно написать несколько фраз, можно полтора десятка — вырази собственное понимание темы, здесь не нужно никому подражать.

Цуй Се, исписав целый лист, размял затёкшую спину и вновь взялся за эссе господина Линя, внимательно перечитывая его.

Господин Линь прошёлся по комнате, разминая суставы, и, заметив, что солнце близится к зениту, а в животе тихо урчит от голода, распорядился:

— На сегодня закончим. Вернувшись к себе, возьми эту же тему и напиши восьмичленное сочинение-подражание. Я не требую от тебя шедевра прямо сейчас — достаточно, чтобы структура была правильной, а двустииия — точными и гармоничными.

Увидев, что Цуй Се охотно согласился, учитель вспомнил ещё кое-что и замер на шагу. Указав на сборники образцовых сочинений на столе, он добавил:

— Раз уж ты сумел выучить наизусть «Сборник сочинений шести мастеров», впредь бери у меня сборники эссе современных мастеров и учи их наизусть, вникая в слог, логику и ход их мыслей.

Цуй Се хоть и отдавал в эти дни все силы «Четверокнижию», не забрасывал и древнюю прозу восьми мастеров эпох Тан и Сун. Каждую ночь перед сном он повторял по десятку с лишним статей с учётом кривой забывания. Зубрёжка стала привычкой, так что запоминание текстов его больше не пугало. Тем более у багуэнь была чёткая структура: всё строго шло от разъяснения темы, развития, введения... и до финального вывода. Стандартизированный, ритмичный текст запоминать даже проще, чем свободную прозу.

Найдя на столе незнакомый сборник, он попросил у господина Линя разрешения взять его с собой и вернулся к самостоятельным занятиям.

В обед Пэн Янь принёс ему свежесваренные пышные пшеничные маньтоу, жареную курицу, жареную свинину соломкой, тушёное мясо в красном соусе и пекинскую капусту, тушённую с

тофу. Цуй Се же уставился в бумаги: голова была забита параллельными стихами, он подбирал каждое слово для второго двустушия к первому, отламывал куски маньтоу, макал в подливку и отправлял в рот, совершенно не замечая, что именно ест.

Конфуций, услышав музыку «Шао», три месяца не чувствовал вкуса мяса, а он, ученик, сочиняя эссе о «Шао», целый день не замечал вкуса пищи. Кое-как вымучив сочинение и поднявшись из-за стола, Цуй Се ощутил, будто шейные и поясничные позвонки вот-вот переломятся — от малейшего движения они с хрустом отдавали болью.

Подув на не просохшую до конца тушь, он свернул рукопись в свиток и всей душой порадовался, что в первые двадцать лет жизни ему не пришлось учить всю эту премудрость. Боевая мощь Конфуция и Мэн-цзы была куда внушительнее, чем у Лу Синя, Чжу Цзицина и Лао Шэ, вместе взятых! Если бы он учился писать багுவэнь с самого детства, то заработал бы грыжу межпозвоночных дисков ещё до поступления в университет и точно не вырос бы до своего метра восьмидесяти.

Примечание автора:

Цитата темы взята из сочинения «Учитель сказал о музыке «Шао»: «Она преисполнена красоты и преисполнена совершенного добра»», автор — Гу Цин, цзиньши шестого года эпохи Хунчжи. В романе действие происходит в девятнадцатом году эпохи Чэнхуа, поэтому автор и подробности были скрыты. Способ написания багувэнь в основном опирается на труд Гун Дуцина «Анализ восьмичленных сочинений».

За работой время летит стремительно. Цуй Се днём учился и писал упражнения, а вечерами рисовал и зубрил каноны; часы уплывали словно вода, и он лишь жалел, что в сутках всего двенадцать часов. В школе больше не было выходных дней, сверяться с календарём у него не было времени, так что он давно потерял счёт дням, зная лишь одно: отсчёт времени до уездного экзамена с каждым днём становился всё короче.

<http://bllate.org/book/18372/1761288>